



МАРИНА СЕРОВА
ОСКОЛКИ ЛЮБИМОГО
СЕРДЦА

Марина Сергеевна Серова
Осколки любимого сердца
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167000
Карамельные сны. Осколки любимого сердца: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-27872-5*

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Марина Серова

Осколки любимого сердца

*Все лица и события вымышлены автором. Все
совпадения случайны.*

В пустынном баре, ночной порой
Я увлечен был одной игрой,
Я пил степенно, пил не спеша
С красоткой Смертью на брудершафт...

Каин

Часть первая

В жены напрокат

За десять минут до того, как выброситься из окна, она попросила у меня сигарету.

На столик летнего кафе, где сидели мы с тетей Милой, легла тень, мы подняли голову и увидели розовый пупок, из которого торчало серебряное колечко. Я машинально перевела взгляд выше: перед глазами возникли пояс очень светлых джинсов с заниженной талией – над поясом виднелась полоска белоснежных трусиков – и край розовой маечки, доходившей незнакомке точно до середины ребер.

– Не угостите сигареткой? – прозвенел голос. По-детски пухлые губы, которые произнесли эту незамысловатую фразу, сразу же сложились в просительную гримаску.

Девушка была отчаянно молода, ей было лет пятнадцать-шестнадцать, никак не больше. Будь на моем месте мужчина, возможно, он взирал бы на это розовощекое белокурое, крепко сбитое существо с молочно-белой кожей и задорно вздернутым носиком как-нибудь особенно плотоядно. Для меня же девчонка не представляла ровным счетом никакого интереса, поэтому я равнодушно кивнула на лежащую передо мной сигаретную пачку и отвернулась.

«Сейчас тетя Мила ей скажет: „Деточка, рано курить в

твоём возрасте, разве мама никогда не говорила тебе, что курящая девушка – это вульгарно?«» – подумала я машинально, просто по привычке прогнозировать ситуацию на несколько минут вперед. И не ошиблась.

– Деточка, разве мама никогда не говорила тебе... – голос моей тети звучал прочувствованно и сердечно ровно настолько, чтобы микшировать занудно-нравоучительный смысл ее слов. Но девочка-подросток (на то она и была еще в пресловутом переходном возрасте) среагировала мгновенно и с вызовом – что, собственно говоря, тоже было вполне прогнозируемо, выпалила:

– Ой, да не лезьте вы не в свое дело! Отстаньте! Хочу – курю, хочу – пью, вам-то что? А мамы у меня давно нет, понятно вам?

Последние слова все-таки резанули ухо. Я обернулась на грубиянку бог знает зачем, скорее всего, просто повинуюсь мгновенному чувству жалости: такая молоденькая и уже сирота! Но она уходила от нас, независимо покачивая полненькими, плотно упакованными в джинсы ляжками и потряхивая светлыми локонами, отброшенными на спину. В нарочито отставленной в сторону руке дымилась сигарета. Ну что ж, обычный нахальный подросток, каких миллион или даже несколько миллионов, если верить последней переписи населения, подумала я. Ничего общего с забитой сироткой из душещипательного рождественского рассказа, да и вообще о девчонке явно заботились, не родственники, так кто-то еще:

нормально упитанный, чисто одетый ребенок.

Но тетя Мила, на которую порою накатывали приступы необъяснимой сентиментальности (в такие минуты слезы жалости у нее мог вызвать даже разомлевший на жаре котенок – она мгновенно придумывала ему биографию, которая могла посоперничать с приключениями героев бразильских телесериалов), уже смотрела на меня глазами, полными слез.

– Женя! Какой ужас! У девочки нет мамы! – прошептала она, смыкая руки у самого подбородка. – Такая юная! Такая прекрасная! И круглая сиротка!

– Теть Мила, ну перестань! Печально, конечно, но не в подворотне же она обитает!

– Да, но она курит! Попробовала бы бедняжка закурить при живой маме!

– Тысячи подростков курят при живых родителях и зачастую не получают за это даже ремня. А следовало бы.

– Женя, она очень бедненько одета! Ты видела эту маечку? Девочка явно из нее выросла – майка даже пупка не закрывает!

– О господи, тетя! Обыкновенная молодежная мода!!!

– Женечка, а вдруг она голодная?!

Неизвестно, сколько бы времени моя ближайшая родственница ходила по кругу, жалея «горемычную сироту». Наверное, долго, потому что настроение тети Милы, недавно прочитавшей какой-то слезливый роман, находилось в тисках неумной благотворительности – ей хотелось ко-

го-нибудь пожалеть, спасти, отогреть, удочерить, озолотить и удачно выдать замуж, причем желательно все сразу и в ближайшие полчаса.

Я для этой цели явно не годилась: хотя у меня тоже не было мамы (она умерла несколько лет назад), а фактически и отца (после его скороспелой женитьбы на какой-то дуре наши отношения прекратились), зато имелся явный минус в виде профессии. Наверное, будь я белошвейкой или учительницей музыки, в глазах тети Милы для меня еще оставался бы шанс; но я – телохранитель, работающий по найму за серьезные деньги, хорошо владеющий оружием и приемами рукопашного боя. Само это слово – «телохранитель» – теть Мила выговаривала дрожащими губами, а уж о том, чтобы предложить мне выплакаться от тягот профессии на ее широкой груди, не могло быть и речи.

– Да пойми ты, что в моей профессии нет ровным счетом ничего удивительного! – не первый год втолковывала я ей. – Телохранителями женщины служили еще в древних храмах Индии, Египта и Среднего Востока. Даже для России это вполне нормальное явление! Первую женщину-космонавта Валентину Терешкову, например, постоянно сопровождала секьюрити из органов госбезопасности. А две моих коллеги еще недавно работали под руководством Александра Коржакова, бывшего начальника службы охраны президента Ельцина.

Все бесполезно. Тетя затыкала уши, закрывала глаза и мо-

тала головой: нет-нет, она согласится с тем, что телохранитель – женская профессия, не раньше, чем увидит меня за вышиванием или лепкой пельменей.

Поэтому в обращении с единственной племянницей тетушка избрала некий промежуточный вариант: старалась как можно меньше поощрять меня, говорить «о работе», кормила разносолами и время от времени выманивала на прогулки спокойно «подышать свежим воздухом».

Во время этих прогулок она не жалела охов-ахов, привлекая мое внимание к птичкам, голубому небу, весенним ручейкам и прелестным лютикам-цветочкам. Наверное, ей казалось, что на всем этом благолепии должна отмякать и отдыхать моя зачерствевшая душа, непременно кровоточащая ранами ужасов жизни. Когда ей казалось, что душа моя достаточно размякла, тетушка начинала робко заводить разговор о том, что «деточка, тебе пора начать вести более нормальную жизнь». Но на эту тему она выкручивала уже с меньшим энтузиазмом – очень уж мало было шансов на успех.

* * *

Сегодняшний день был как раз отмечен такой прогулкой. Вдосталь полюбовавшись жалкими ростками на городских клумбах и надышавшись полной грудью пропитанным бензиновыми парами свежим воздухом, мы с тетей Милой присели за столик летнего кафе и взяли себе по порции моро-

женого. Я приготовилась было поболтать с тетушкой о том о сем (почему бы и нет, в конце концов, мы не так уж много времени проводим вместе), а тут эта наглая малолетка с просьбой закурить. Настроение тети было сбито в сторону, которая меня не совсем устраивала, и я решила одним метким ударом поставить все на свои места:

– Посмотри-ка, куда она направилась, твоя «голодная сиротка»! Чтобы попасть в такой дом, нужно там жить или как минимум иметь на руках приглашение от кого-то из высокопоставленных обитателей!

Действительно, девушка с сигаретой уверенной походкой устремилась к высоченному элитному дому, гордо возвышавшемуся на набережной. Это чудо архитектуры было известно в нашем городе под именем «Дворянское гнездо» – огромное сооружение из красного кирпича и стекла, выстроенное в виде средневекового замка с цепями на воротах и коваными решетками на каждом парадном.

Здесь жили самые именитые люди нашего городка – чиновники высшей категории, крупные бизнес-воротилы и «воры в законе», что, как известно, частенько имеет прямую или обратную зависимость. Простому смертному незаметно проникнуть в это здание так же невозможно, как иноземному захватчику дойти дальше Сталинграда: территория вокруг замка тщательно охранялась и со всех сторон просматривалась камерами наружного наблюдения; у ворот круглосуточно дежурила охрана, а в каждом из подъездов наверня-

ка имелась консьержка.

Летнее кафе располагалось аккуратно через дорогу от чугунных ворот, и мы с тетей Милой могли наблюдать, как «сиротка» уверенно минует будку охраны, где ей не задали ни единого вопроса, и направляется напрямиком к одному из подъездов. Поравнявшись с массивной дверью, она не стала давить кнопки домофона, а преспокойно открыла ее вынутым из заднего кармана джинсов электронным ключом-«таблеткой». И скрылась из вида.

– Ну? – торжествующе обернулась я к тете Миле. – Надеюсь, ты не будешь утверждать, что «сиротка» имеет право на свободный проход в такой дом исключительно для того, чтобы просить там милостыню?

– А может, она прислуга, – пискнула тетушка, уже капитулируя. – Бедняжку заставляют трудиться день и ночь...

– ...перебирать мешки с зерном и шить бальные платья для злых сводных сестер. Хватит! Ты прекрасно знаешь, что в прислуги нынче набирают опытных да умелых, а не таких пигалиц, которые и носового платка не умеют погладить. И уж, во всяком случае, никакой буржуин не доверил бы малолетке ключей от своей квартиры. И будет об этом. Давай считать, что тема себя исчерпала.

Тетя отвернулась, шмыгнула носом и разочарованно ткнула ложечкой в раскисшее мороженое.



На дворе стоял теплый май, солнце гладило нас по волосам, легкий ветерок шелестел зеленью молодых тополей. Я не лирик, но в такую погоду и отпетому цинику хочется откинуться на спинку стула и, подставив лицо золотистому лучу, воскликнуть что-то вроде: «Как хороша жизнь!»

– Как хорошо! – сказала я. Отодвинула от себя опустевшую вазочку из-под пломбира и действительно откинулась на спинку стула, жмурясь от солнечных бликов, которые бежали по крыше и чистым окнам «Дворянского гнезда». Право же, на солнце это здание сверкало покруче самого дорогого бриллианта.

Теперь мне самой захотелось закурить. Вынув из пачки сигарету и щелкнув зажигалкой, я чуть отодвинулась от столика вместе со стулом: тетя не выносила дыма. И, как оказалось, это перемещение было удачным – сейчас блики на доме не так слепили глаза.

Прищурившись, я разглядывала геометрически правильные выступы и балкончики «Замка», от нечего делать прикидывая – можно ли при желании забраться по ним в нужную квартиру, если бы этого, скажем, потребовала от меня служебная необходимость. По моему раскладу выходило, что для этой цели понадобилось бы как минимум добротное альпинистское снаряжение, а как максимум – уловки киношно-

го каскадера.

«Лет триста назад этот вопрос решался проще, – подумалось лениво. – Клиент просто бросал вниз веревочную лестницу, а телохранитель, то есть оруженосец, или вассал владельца замка, карабкался по ней, цепляясь шпорами за перекладыны. Терял при этом шляпу, рвал фламандские кружева, потел и ужасно матерился в душе на своего сюзерена. И если он находился при этом в слабоватой физической форме, то наверняка срывался и падал».

Едва я успела додумать эту небогатую мысль, как в самом верхнем, чердачном окне, распахнутом по случаю тепла, появилась чья-то тень.

– Что там? Куда ты смотришь, Женя? – спросила тетя с явным любопытством. И обернулась.

Я не ответила ей – я смотрела туда. Смотрела очень недолго. Все произошло очень быстро: короткая возня, подробности которой с места, где я сидела, разглядеть было невозможно, слабый вскрик (а может, мне только послышалось?), и вдруг – душераздирающий вопль! Едва начавшись, он тут же оборвался – будто перерезали натянутую струну.

И одновременно сверху, через подоконник самого верхнего этажа, вниз, к устрашающе-убийственным каменным плитам дворика, мешком пролетело и рухнуло что-то живое и тяжелое. Вокруг закричали, люди повыскакивали из-за столиков – оказывается, жуткую картину наблюдала не я одна!

– Женья!!! – истошно закричала тетя и вцепилась в мою руку. – Женья, это она! Та девочка! Она выбросилась из окна!

Я не слушала ее, более того – довольно грубо оттолкнула в сторону. А потом, отшвырнув ногой и мешающие мне пластмассовые стулья, рванула туда, к дворику «Дворянского гнезда». Уцепившись за острые крючья ограды, в два счета перемахнула через нее, спрыгнув на плиты двора. Внимания на это никто не обратил – охрана бестолково суетилась, вызывая во мне здоровое раздражение: двое просто бегали по двору, еще один дрожащими руками утирал с лица пот, и только четвертый, полноватый и лысоватый дядька в синей форменной рубашке, стоял на коленях возле распростертого на бетонных плитах тела.

– Мертва? – спросила я, наклоняясь над той, что всего десять минут назад попросила у меня сигарету.

Охранник ощупал тело, потрогал жилку на шее, поискал пульс, оттянул веки – и медленно поднялся с колен.

– Мертва?!

Мне не ответили.

– Ужас... Ужас... Ужас... – по-бабьи лопотал тот, что утирал с лица пот.

В глазах у меня моментально потемнело – терпеть не могу мужиков, которые ведут себя как слезливая баба.

– Что ты стоишь, болван?! – рявкнула я так, что этот потный дурак вздрогнул и вытянулся передо мной в струнку, преданно поедая меня тупыми, очень близко посаженными глазами. – Порядков не знаешь?! Быстро к телефону! Чтобы «Скорая» была здесь через пять минут!

Это подействовало – торопясь, охранник потянулся одновременно в карман за мобильником и к ремню за рацией.

– Несчастный случай... самоубийство... внезапная смерть... пожалуйста, поскорее... – забормотал он.

А я смотрела на девочку. Она лежала неподвижно, с неестественно вывернутыми руками и ногами и, судя по положению головы, с переломанной шеей. На разметавшиеся по плитам светлые локоны из уголка рта, по подбородку и длинной белой шее алым шнурочком вытекала кровяная струйка. Лужа крови вытекала и из-под головы, волосы быстро намокали в ней, становясь совсем темными. А глаза были открыты – девочка, десять минут назад попросившая у меня сигарету, не отрывала от меня удивленного взгляда. Но жизни в этих глазах уже не было.

* * *

Безуспешно стараясь проглотить подступивший к горлу комок, я встала с колен, отошла на несколько шагов и отвернулась. У редких прутьев ограды стояла толпа зевак: человек двадцать, не меньше. Все они изо всех сил старались рас-

смотреть, что происходит, бурно жестикулировали и громко переговаривались:

– Чо там? Убили кого?

– Да какой-то бандит любовницу с окна выкинул.

– Прямо! Это она сама выпрыгнула. От глюков. Наркоманка, поди, с ними такое сплошь и рядом! Привиделся, наверное, ей какой-нибудь принц заморский, поманил за собой, она и прыг. Дело-то недолгое...

– Вот вы сразу о дикостях каких-то думаете. А может, все дело в любви. От несчастной любви только на такое решаются!

– Ой, ой, сюси-пуси, «несчастливая любовь»! У этих вот, молодых да ранних, и понятия такого нету – «любовь»! У них все сейчас очень быстро делается. Сперва постель, потом – «А давайте познакомимся». Видали мы таких!

– А может, она беременная? А парень сбежал, наверное... И маме сказать побоялась? Испугалась девочка. Переживала, наверное, сильно, ну и решилась...

– Судить таких надо!

– Разрешите? Разрешите? Да пропустите же вы врача, наконец! – послышался решительный голос, перекрывший все остальные. Толпа посторонилась, толстый охранник хлопотливо отомкнул ворота и впустил врача – высокую женщину в белом халате, марлевой повязке и с медицинским чемоданчиком в руках.

– Где больная? – спросила она и осеклась, увидев тело.

Помедлив всего секунду, врач быстро приблизилась к мертвой и наклонилась над ней, одновременно раскрывая свой чемоданчик.

Все молчали.

– Ну что же вы стоите, граждане? – тихо сказала женщина, разгибаясь. – Тут не «Скорую», тут милицию надо. Медицина, к сожалению, уже бессильна.

Темные строгие глаза над марлевой повязкой смотрели серьезно и даже требовательно. Загипнотизированный этим взглядом, по-прежнему потеющий охранник снова потянул из кармана сотовый телефон.

* * *

Тетю Милу я нашла все за тем же столиком летнего кафе. Похоже, она вообще не вставала с места и все время просидела вот так, вцепившись обеими руками в сумочку, крепко-крепко зажмурившись и поджав ножки, словно напуганный ребенок. Я плюхнулась рядом, положила ноги на соседний стул и закурила, не особенно заботясь о том, как это выглядит со стороны. Тетя Мила слегка приоткрыла один глаз, увидела меня и чуть расслабилась.

– Это ты? – спросила она слабым голосом. – Ох, как хорошо, что это ты. А я думала...

– Что ты думала? – буркнула я. – Что это убийца и он наконец добрался и до тебя?

– Нет-нет-нет! Не хочу, не хочу, не хочу! Не хочу ничего слышать и знать ни про какого убийцу! И без того мне теперь неделю не спать без снотворного. О-о-ох, вышла погулять с племянницей на свое горе... Женя, ты только меня сейчас не бросай. Хотя бы до дому доведи, а потом отправляйся...

– Куда это?

– Ну как это – выяснять, что там такое случилось с девочкой. Только не говори мне, что она расшиблась насмерть! Я этого не знаю, не знаю!

Я выпустила последнее облако дыма и с силой загасила сигарету о какую-то жестянку, что валялась возле столика.

– Не собираюсь я никуда идти и ничего выяснять. С какой стати? – я старалась говорить как можно равнодушнее, пытаюсь отогнать от себя воспоминание о том, как девочка со светлыми волосами и по-детски припухлым ртом берет из моей пачки свою последнюю сигарету, а затем уверенной походкой удаляется в сторону элитного особняка... чтобы через несколько минут выброситься из его окна и лежать у моих ног с переломанной шеей.

– Ты же знаешь, я работаю только на заказ, то есть только тогда, когда есть клиент. Клиента у меня нет, в данном случае я всего лишь случайный свидетель. И к тому же моя профессия – телохранитель, а вовсе не следователь И вообще, нам пора домой. Скоро твой любимый сериал начнется.

Последний аргумент, кажется, подействовал на тетю лучше всего. Не открывая глаз, она, как сомнамбула, поднялась

с места и тяжело оперлась на мою руку.

– Пойдем... И пожалуйста, никогда больше не напоминай мне о том, что сегодня произошло.

– Успокойся, я и не собиралась.

* * *

Однако вспомнить о кошмарном происшествии мне пришлось уже буквально на следующий день. Вернее, утро: стрелки моих наручных часов еще только подбирались к восьми, когда я, забросив на плечо спортивную сумку и отчаянно зевая на ходу, сбегала по ступенькам и толкнула дверь подъезда, держа курс в ближайший спортзал. В планах у меня было: как следует попотеть на тренажерах, затем проплыть на дорожке бассейна мой всегдашний «червонец» (десять километров), потом – сауна и тир. Профессия требовала всегда быть в норме; а в последнее время у меня подвалило столько клиентуры, что в спортзале я не была, наверное, уже недели три.

Мой боевой конь – не очень новый, но очень проверенный «Фольксваген», припаркованный на этот раз аккуратно возле подъезда, приветственно мигнул фарами. Я села за руль, бросила рядом сумку и, перед тем как выехать со двора, окинула быстрым взглядом окрестности. Сделала я это скорее по привычке: как упоминалось выше, клиента у меня в настоящий момент не было, следовательно, не было и опасе-

ний, что кому-то может понадобиться моя молодая жизнь. Однако натренированный глаз сразу отметил: одновременно со мной тронулась с места и другая машина – ярко-красный «Гранд-Чероки».

Дальше последовала сцена преследования из дешевого детектива: я на трассу – и он на трассу. Я несколько раз вильнула, сделав ложный маневр, – тип в «Чероки» повторил мою траекторию, причем настолько явно и не скрываясь, что это было сильно похоже на издевательство. И держался он, что называется, «след в след». Словом – нахал. Или враг?

Больше всего меня злило, что преследователь прятался за тонированными стеклами, и я понятия не имела – один он там или с какой-нибудь кодлой. Да ну к черту!

Не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, я нащупала в боковом кармане сумки пистолет. В голове промелькнула мысль выскочить из машины при первом же удобном повороте и надавать им (ему) по рогам – ясно же, что развлекаться подобным образом может только шпана зеленая. Но как только я нажала на тормоз и сгруппировалась, чтобы одним рывком выбросить тело из салона, – «Чероки» скрылся за ближайшим поворотом...

* * *

Через час нелепая сцена с преследованием выветрилась у меня из головы. В спортзале я оторвалась так, что еще неиз-

вестно, кто через полтора часа выглядел более утомившимся: я или тренажеры. Чувствуя во всем теле блаженную усталость, которая приходит только тогда, когда ты полностью довольна собой, я направилась в сауну, а затем вознаградила себя за все старания тем, что шлепнулась в прохладно-хрустальную воду бассейна безо всяких правил, оставив за собой целый сноп брызг.

Нужно было сделать никак не меньше двадцати пяти заплывов туда-обратно, и я с удовольствием разрезала воду ровными взмахами рук. И опять смотреть по сторонам не было никакой необходимости, но боковым зрением я заметила на трибуне для зрителей постороннего мужчину. Я говорю «постороннего», потому что одет он был слишком цивильно для человека, который пришел в бассейн позаниматься. Для посетителя спортзала его строгий костюм с галстуком никак не подходил. А для простого зеваки, который забрался на трибуну от нечего делать, было еще слишком рано – около десяти утра.

К тому же я успела заметить, что тип на трибуне наблюдал за мной с явным интересом. «Похоже, моя популярность сегодня утром выходит за пределы благоразумия», – подумала я, стараясь не выбиваться из ритма. Какого черта! В конце концов, все дело может быть просто в моем тренированном теле – почему бы нормальному мужику и не поглазеть на красивую женщину в новом купальнике, рассекающую волны с ловкостью и изяществом уверенной пловчихи?

Но когда я вышла из воды и направилась к шезлонгу, где оставила полотенце, странного типа на трибуне уже не было.

– Ну и славно, – пробормотала я, вытираясь. – Не стоит портить выходной день сомнительными знакомствами.

А в душе уже начинали скрестись кошки.

* * *

На третьем этаже было уютное кафе, где классно варили капучино. Я расположилась там, намереваясь вознаградить себя за все старания чем-нибудь таким, запрещенным для фигуры. Официант поставил передо мной чашку с кофе и тарелку с каким-то мудреным печеньем, я достала сигарету (только не говорите мне про несовместимость курения со здоровым образом жизни – я на такой образ не претендую, иначе не работала бы телохранителем) и приготовилась уже дивно провести ближайшие полчаса. Но...

– Разрешите? – я увидела перед собой руку с зажигалкой, подносящую огонек к моей сигарете. Незванный кавалер возник как чертик из табакерки – никаких шагов перед этим я не слышала, а слух у меня такой же тренированный, как и все остальное.

Если он хотел меня удивить, то черта с два я дам ему понять, что и в самом деле удивлена! Неспешно прикурив от огонька, я глубоко затянулась, выпустила дым, откинулась на спинку стула и только тогда подняла глаза на того, кто

стоял рядом.

Высокий. Элегантный. Одетый в дорогой костюм – кажется, от Армани. Блондин, но не натуральный – волосы чуть-чуть высветленные и уложенные у явно хорошего парикмахера. Холодные – как две прозрачные льдинки – серые глаза и тонкие губы – два ровных надреза на месте рта. Не скажу, чтобы его можно было назвать совсем уж неприятным типусом, но во всяком случае – явно не из тех, кого бы хотелось позвать на свой день рождения.

Стоит, смотрит и не уходит.

– Если вы сейчас скажете какую-нибудь банальность типа – почему я сижу здесь одна и что намерена делать вечером, наше знакомство прекратится, не начавшись, – сказала я. Нахалов надо отшивать сразу.

Он только усмехнулся.

– Я не собирался заводить беседу ни с одной из предложенных вами фраз. Достаточно только понаблюдать за вами какое-то время, чтобы убедиться – с такой девушкой разговор надо начинать совсем иначе. С других слов.

– Может быть, вы даже готовы предложить такие слова?

– Могу.

– Ну-ка?

– Пятьдесят тысяч долларов за двухнедельную работу, – быстро и без всякой подготовки сказал он.

Я постаралась, чтобы на моем лице не дрогнул ни один мускул. Неторопливо взяла чашку с остывшим кофе, пригу-

била, снова поставила на блюдце. Однако эффекта не получилось – я поперхнулась и позорно закашлялась, давась дымом от сигареты.

Он усмехнулся еще шире, положил зажигалку в карман, похлопал меня по спине и легко, безо всякого приглашения с моей стороны, сел рядом за столик, придвинув к нему свободный стул. Все это время глаза-льдинки не отрывались от моего лица, и мне волей-неволей приходилось тоже изучать своего непрошеного визави. Теперь я могла бы сказать, что ему, пожалуй, лет сорок. Или чуть больше, но этот вывод можно сделать, только очень внимательно приглядевшись к мужчине, потому что он явно очень следит за собой – вон бугры мышц проступают даже сквозь ткань пиджака, потом опять же эта парикмахерская укладка, да и квадратное лицо тщательно выбрито и даже тронуто искусственным загаром.

– Так как? – спросил он, когда я перестала кашлять.

– Плата весьма умеренная, – сипло сказала я. – Не много и не мало – смотря за какую работу.

Внезапно в типусе произошла непонятная мне перемена – черты лица разгладились, стали мягче, глаза тоже потеплели, и вдруг стало понятно, что передо мной сидит нормальный мужик, которому вдруг надоело носить маску крутого мэна. Очень естественным жестом он протянул через столик руку и накрыл ею мою ладонь:

– Я вижу, Женя, что вы не особенно расположены ко мне, я имел несчастье не понравиться вам с первого же взгляда –

один бог, впрочем, знает почему. Но у меня действительно сложилась очень сложная семейная ситуация, и именно вы, на мой взгляд, способны если не разрешить ее, то, как это принято теперь выражаться в телевизионных новостях, «заморозить». Моей семье – у меня две девочки, шестнадцати и тринадцати лет – угрожает серьезная опасность. Сейчас вы спросите меня, в чем она заключается, но ответить на этот вопрос предельно точно я вам не смогу. Но опасность есть. Скажем так: я чувствую это шкурой.

– Вы знаете мое имя, знаете, кем я работаю, знаете, как я выгляжу, потому что подошли ко мне первым... – Я прищурилась и выстрелила в него вопросом, которого он вряд ли ожидал: – Так это вы следили за мной все утро? Начиная от дома и потом здесь, в бассейне и кафе?

– Почему вы так решили?

– Потому, что о встрече с вами мы не договаривались, а о том, что я собираюсь в спортзал, не знала ни одна живая душа, – пожала я плечами. – Следовательно, найти меня здесь мог только тот, кто выслеживал мои перемещения с той самой минуты, как я вышла из подъезда. Это элементарно, Ватсон. Сейчас вам осталось только сказать мне, зачем вам понадобилась эта слезка, затем представиться, а потом... потом я буду решать, хочу ли я иметь с вами дело.

– Ну что ж, на этот вопрос я отвечу, тем более что он не представляет никакой тайны. Я действительно хотел некоторое время понаблюдать за вами со стороны, чтобы оценить...

ваши данные, умение водить машину, уровень спортивной подготовки. По-моему, ничего удивительного, учитывая, что я хочу предложить вам серьезную работу.

– Пожалуй, – согласилась я. – Но учтите, что своего «да» я пока еще не сказала. И не скажу, пока не услышу, в чем будет заключаться работа. Рассказывайте. Начать желатель-но с того, кто вы сами такой и откуда про меня узнали.

Он немного помедлил, но не из робости, а скорее из желания еще немного поизучать меня. И даже немного отодвинулся в сторону вместе со своим стулом.

– Напрасно вы пытаетесь строить из себя эдакую мужичку, лишенную элементарных женских чувств и эмоций, – протянул он задумчиво и даже как бы про себя. – Во-первых, вам это не идет, во-вторых, в ваши годы и с вашей внешностью это совершенно лишнее.

– А в-третьих? – буркнула я, не очень-то довольная тем, как клиент строит разговор.

– А в-третьих, ваше обаяние, Женя, все равно все побеждает.

Я немного растерялась и хотела было уже послать несостоявшегося клиента куда подальше. Но он еще раз похлопал меня по руке и еще раз ободряюще улыбнулся.

– Я надеюсь, ваш гонорар в пятьдесят тысяч долларов не предусматривает легкого флирта с телохранителем? – фыркнула я и отдернула руку. – Давайте все-таки переходить к делу, или мы распрощаемся.

– Простите. Трудно удержаться от комплимента, когда видишь перед собой красивую женщину.

– Уже простила. Итак?

– Итак, зовут меня Аркадий Ильинский, я – адвокат. Не буду скромничать, довольно успешный – «Ильинский и партнеры», может быть, слышали?

Я кивнула – кто же в нашем городе не знает это известное адвокатское бюро, на счету которого немало громких дел. Среди клиентов «Ильинского и партнеров» были в основном схваченные в недобрый час за руку чиновники высшего звена, погоревшие на чем-нибудь бандиты и зарвавшиеся нувориши – у обычных людей денег на таких адвокатов нет. По слухам, одна предварительная консультация у Аркадия Ильинского примерно равнялась стоимости хорошего кухонного гарнитура.

– Сразу хочу предупредить вопрос, который, наверное, вертится сейчас у вас на языке. Нет, неприятности, которые сейчас переживает моя семья, к моей профессиональной деятельности отношения не имеют.

– Откуда такая уверенность?

– Это довольно легко вычисляется. В последнее время я не вел сколько-нибудь «скользких» дел. И потом, адвокатов у нас не убивают, какой в этом смысл? Нам даже не угрожают и не шлют никаких предупреждений. Чинить препятствия в работе адвоката – это да, этим занимаются все, от следователей до прокуратуры, такая уж у них традиция. Но не более

того.

– Хорошо, допустим – пока только допустим, – что это так. А теперь...

Он кивнул и сунул руку во внутренний карман пиджака. На свет появился дорогой блокнот в «корочках» из крокодиловой кожи, который Ильинский быстро пролистал, остановившись примерно на середине.

– Вот. Это началось полгода назад – восемнадцатого ноября. Точность этой даты я устанавливаю по записи: «Передать деньги на устройство похорон Сони Заметовой». Соня – это школьная подруга моей младшей дочери, Ани. Ей было тринадцать лет, девочки очень дружили, Соня часто бывала у нас дома. Восемнадцатого ноября прошлого года Соня и Аня пошли в кино. Сеанс заканчивался поздно, я тоже задерживался на работе и встретить их не мог, а у Сониных родителей нет машины. Тогда я позвонил Анне и сказал, чтобы они взяли такси. Девочки вышли из кинотеатра, направились к стоянке, но свободных машин там не оказалось, и они решили остановить частника. Около них почти сразу притормозила вишневая «девятка», за рулем сидел человек, которого они не разглядели, тот был до глаз укутан в толстый шарф, впрочем, ничего удивительного – была довольно холодная погода. Девочки назвали адрес, человек за рулем кивнул, они сели в машину. Аня проехала три квартала и попросила остановить машину у нашего дома. А Соня... – он сглотнул. – Ее нашли только трое суток спустя. В

лесочке на выезде из города. В мусорном мешке.

– То есть как – в мусорном мешке?

– Девочку задушили, затянули на шее удавку из резинового медицинского жгута – он валялся тут же. А потом засу... положили в большой черный мешок, такой, в который дворники складывают мусор, знаете? Убийца действовал очень аккуратно, он ничего не забыл. В этом же мешке оказалась сложенная вдвое шапочка Сони – наверное, она упала с ее головы, когда девочку душили, потом сумочка с разными девичьими мазилками, использованными билетами в кино и кошельком, в котором была небольшая сумма денег. То есть преступник ничего не взял, понимаете? Просто убил ребенка и положил его в мешок, как ненужную вещь или сломанную куклу.

– Вы сказали, преступник ничего не взял. А ее не...

– Нет. Соню не изнасиловали. Не было даже следов борьбы, ничего не было. Ее просто убили и положили в мешок.

– Да. Жуткая история, – я немного встряхнулась, стараясь отогнать от себя ужасное видение убитого и сложенного в мешок ребенка. – Но почему вы решили, что это убийство чем-то грозит вашей семье?

– Сначала, конечно, никто из нас так не думал. Все мы были в шоке от трагедии с Соней. Хотя как отец – я думаю, вы меня поймете, Женя, – в глубине души я испытывал облегчение от того, что это случилось не с моей дочерью. Я знаю – это низкое и подлое чувство, но я отец, Аня выросла

практически у меня на руках, и...

– И на вашем месте такие мысли были бы у каждого родителя. Это вполне естественно. Ну а дальше?

– Дальше... Мы похоронили Соню, я помог ее семье деньгами, там очень сложная ситуация, у девочки были очень небогатые родители, три брата мал мала меньше... Было заведено уголовное дело, проверили всех владельцев вишневых «девяток», но это ничего не дало – ровно никаких зацепок, и через несколько месяцев дело пришлось закрыть. Все это время моя Аня, конечно, очень переживала, винила себя, что позволила подруге одной поехать дальше с незнакомым мужчиной, плакала, отказывалась есть, не могла спать – мы с большим трудом вывели ее из глубокой депрессии. Надо добавить, что не без помощи психологов и даже психиатров... И вот только все более или менее стало приходить в норму, только Аня начала улыбаться, только у нее появились новые подружки, школьные интересы, увлечения – как опять... Опять это произошло.

– Что?! – спросила я, нахмурившись. – В беду попала еще одна девочка? Другая подруга вашей дочери?

– Да... Именно так. Хотя нет, не совсем. Это была подруга Иры.

– Ира – это кто?

– Ира – моя старшая дочь. На три года старше Ани.

– Она тоже школьница?

– Нет. Не совсем. Она... Вы знаете, лучше я покажу вам.

Вот.

На стол передо мной легла фотография. Сначала я не поняла, почему Ильинский положил ее передо мной: на первый взгляд это был обычный снимок милой голубоглазой девушки, правда, очень худенькой, которая лежит в постели и слушает плеер. И все-таки что-то настораживало. Я поднесла фотографию к глазам, вгляделась – и прикусила губу: меня поразил безжизненный взгляд Иры, ее неестественная – теперь это стало понятно – худоба, судорожно сжатые в кулачки руки, которые лежали поверх одеяла, а главное – восковой цвет лица, такой болезненный, что его нельзя было списать даже на дневное освещение.

– Ваша дочь больна?

– Да. Она очень больна. И давно. Очень давно. Она инвалид. Уже восемь лет она вот так лежит в постели, не говорит, не может двигаться, нуждается в постоянном уходе. Я показывал ее ведущим специалистам, и ни один из них не смог сказать мне ничего утешительного. Они говорят, что Ира даже не понимает, что с ней и вокруг нее происходит, никого не узнает, не может иметь никаких желаний, даже эмоций. Про таких говорят – «растение», но... но это моя родная дочь.

Голос у него сделался сиплый, глухой.

Я осторожно положила фотографию обратно на столик.

– Как это случилось?

Ильинский чуть погладил уголки снимка и медленно убрал его обратно в бумажник.

– Восемь лет назад Ирочка училась в первом классе. Только-только начался учебный год, она бегала такая веселая, шумная, каждый день новые впечатления, на одном месте даже минуты не могла усидеть, я называл ее – Муха. Один раз прибежала из школы: «Папа, завтра нас поведут в бассейн!» – тогда мы жили гораздо скромнее, чем сейчас, и она училась в обычной школе, уроки физкультуры для малышек проводились в городском бассейне. Моя жена собрала ей все необходимое – купальник, полотенце, мыло для душа, что там еще, тапочки. В такую красивую сумочку сложила, прозрачную с голубым дельфином... А на следующий день... На следующий день Иру увезли из бассейна прямо в реанимацию. Как нам объяснили – когда дочка нырнула под воду, ее колено застряло между трубой и стенкой бассейна. Моя дочь не смогла самостоятельно всплыть на поверхность, а одноклассники играли, плескались, брызгались, стоял шум, смех, гам – и Ирочкиного отсутствия просто никто не заметил.

– Как никто не заметил? А тренер? В бассейне, да еще если там дети, всегда должен находиться дежурный тренер!

– В том-то и дело, что тренер – студентка физкультурного института, она проходила практику в школе и в это время находилась в комнате медсестры. За минуту до того, как моя дочь ушла под воду, девушка сломала ноготь, решила подровнять его и отправилась в медпункт за ножницами. Потом ее судили, дали два года. Но это неважно... В результате Ира находилась под водой больше десяти минут, пока

ее все же не хватило подружка. Поднялась паника, прибежали взрослые, стали делать искусственное дыхание, вызвали реанимобиль, «Скорую», но было поздно. Ирочка не умерла, но, как потом было написано в медицинском заключении, у нее «развилось тяжелое патологическое состояние, вызванное механической асфиксией, приведшее к клинической смерти и развитию в последующем посттравматической энцефалопатии и декортикации головного мозга». Мы пытались ее лечить, возили за границу, но все оказалось бесполезным... И еще. Ирочкина болезнь стоила жизни ее матери. Моя первая жена, мать Иры и Ани, умерла от инфаркта на третий год после того, как это случилось. Обе девочки – парализованная Ира и шестилетняя Аня – остались у меня на руках, я сам растил их, старался заменить мать и быть отцом. Мачеху я в дом приводить не хотел, ведь моим дочерям и так пришлось многое пережить. И потом, на семью надо было зарабатывать, я целиком ушел в работу, открыл адвокатское бюро.. А по утрам учился заплетать Ане косички и делать Ире массаж. Это было очень трудное время для всех нас. Именно тогда я понял, как много для меня значат мои дочери. Говорю вам это для того, чтобы вы не посчитали мое беспокойство за них чрезмерным или смешным.

– Ну что вы... Смешного уж тут, во всяком случае, нет совсем ничего. Но здоровому молодому мужчине трудно оставаться отшельником. Понимаю, что времени для флирта или романов у вас почти не оставалось, но все же наверняка су-

ществует какая-нибудь.. скажем так, привязанность? Я спрашиваю об этом потому, что это может оказаться очень важным. К желтой прессе с этой информацией не побегу, как вы понимаете.

Ильинский помедлил, затем понимающе кивнул.

– Да, конечно, женщины у меня были. Едва ли стоит перечислять всех поименно... Тем более что в свой дом я никого из них не приводил. С самого начала решил, что мачехи у моих детей не будет.

– Понятно... Хорошо, вернемся ближе к делу. Вы сказали, что вскоре после Сони Заметовой погибла другая девочка, на этот раз – подруга Иры? Я заранее прошу прощения за не деликатный вопрос, но разве у парализованной и никого не узнающей девочки могут быть подруги?

– Да, наверное, я выразился не очень удачно. Видите ли, дело в том, что... Одним словом, когда дела мои пошли в гору, я решил, что... Хотя врачи говорили мне, что это бессмысленно... Словом, я стал приглашать для Ирочки ее одноклассниц. Тех, с кем моя дочь чувствовала себя такой счастливой в то время, когда с ней еще не случилось несчастье. Мне казалось, что если она услышит знакомые голоса, какие-то словечки, знакомые только им одним, что-то изменится. Я не совсем представлял себе, что именно произошло в ее организме, а вернее сказать, и вовсе себе этого не представлял. Но вот уже несколько лет к Ире ходят ее бывшие одноклассницы. Конечно, я плачу им за это хорошие деньги.

Хотя и понимаю, что времени прошло очень много, и сегодня эти девочки для Ирины – чужие люди. Но я продолжаю настаивать, чтобы они ходили в наш дом, и они не отказывают. Пять девочек, то есть теперь они уже почти девушки, они по очереди проводят с Ириной несколько часов. И делают они это охотно. Может быть, дело просто в деньгах. Я не знаю.

Ильинский помолчал, нервно выбил пальцами по столешнице какую-то нервную дробь и снова глянул мне прямо в глаза.

– Я сказал, что к моей дочери ходят пятеро девушек, но был при этом не совсем точен. Правильнее сказать так: еще недавно этих девушек было пять. Сейчас... То есть со вчерашнего дня их осталось всего две.

– Остальные по разным причинам отказались оказывать вам эту услугу?

– Нет. Остальные... Их убили.

Медленно, очень медленно я поднесла к губам очередную сигарету. И смотрела на него, вернее, на то, как это загорелое квадратное лицо, вопреки всем законам физики, становится очень бледным.

– Рассказывайте...

– Вы знаете, я адвокат, и поэтому сам часто сталкиваюсь с необходимостью заставлять клиента говорить о тяжелых минутах своей жизни, но... когда это касается лично тебя... Хорошо, я постараюсь быть предельно конкретным. Валя Се-

менова, так звали одну из них, погибла через три месяца после Сони. Она вышла из нашего дома, просидев с Ирочкой несколько свободных часов, и направилась к автобусной остановке. Мои домашние видели это из окна квартиры. Но, как выяснилось позже, до остановки девочка не дошла, и в районе транспортной развязки ее никто не видел. Милиционеры, прочесывающие местность после исчезновения Вали, обнаружили труп в заброшенном канализационном колодце. Ее убили ударом молотка или другого тяжелого предмета в висок – под волосами выступило несколько капелек крови. Валя умерла мгновенно.

– Канализационный колодец... – задумчиво сказала я. – Похоже на тот же почерк, что и в случае с Соней Заметовой. Ребенка сбросили в колодец, как мешок мусора.

– Вам тоже это пришло в голову? – кивнул Ильинский. – Да. И в третьем случае тоже произошло нечто похожее. Я не буду вам говорить, какое огромное впечатление произвела смерть этой девочки на нашу семью, все это легко представить... при желании. Скрыть гибель Вали от Ани было, конечно, невозможно. Но мне удалось убедить ее, что произошел просто несчастный случай – все жуткие подробности от нее скрыли... И вот месяц спустя – новая трагедия. На этот раз с Сашей Яцутой.

– Она тоже навещала вашу дочь?

– Да. И она была большая умница, я не имею в виду ее школьные успехи, хотя Саша училась хорошо. Но эта девоч-

ка считала своим долгом не просто навещать Иру и держать ее за руку, но и рассказывать ей о том, что они проходят в школе, вслух повторять уроки, решать задачи. Ее это не утомляло, понимаете? Она разговаривала с Ириной так, будто та находится в полном сознании и может ей отвечать. И вот месяц тому с небольшим... Саша пришла к нам в дом, вошла в лифт, чтобы подняться в квартиру. Мы живем на седьмом этаже, поэтому лифтом пользуются все. Но я не знаю, и никто другой так и не узнал, что заставило Сашу выйти не на седьмом этаже, а на четвертом. Ее... точнее, ее тело нашли именно на площадке четвертого этажа. Я говорю – тело, потому что Саша была убита одним сильным ударом в грудь – ножом или длинным тонким стилетом. Смерть наступила мгновенно, но убийце, как видно, этого показалось мало – уже мертвую девушку ударили ножом еще несколько раз – в грудь и в шею. Следователи насчитали на теле не менее шести колото-резаных ран.

– Может быть, ее убили в лифте, а на площадку выволокли уже мертвое тело? – спросила я. – Или силой заставили выйти из лифта? Есть еще какие-нибудь основания утверждать, что Саша сама вышла на четвертом этаже?

– Да, есть. Во-первых, следы. В тот день стояла сырая погода, обувь девушки, хотя при входе в дом она и вытерла ноги о специальное покрытие, все же была испачкана грязной землей и налипшими к ней травинками, семенами цветов. Мельчайшие частицы этой грязи обнаружили не только в самом

лифте, но и на площадке – Саша успела сделать несколько шагов в направлении квартир, когда убийца, который, скорее всего, вышел из ниши за лифтом, настиг ее. Во-вторых, кабину лифта обследовали и не обнаружили в ней никаких признаков борьбы. Ну и в-третьих, хотя с этого, пожалуй, нужно было начать: согласно показаниям консьержки, Саша входила в лифт одна.

– Очень рискованный способ убийства, – сказала я, осмысливая сказанное. – Выманить девочку из лифта, ударить ее – а если бы она не потеряла сознания с первого раза и подняла крик? – затем бить ножом уже мертвую, да еще наносить удары с таким остервенением... И все это – на лестничной площадке, постоянно рискуя каждую секунду быть увиденным или услышанным соседями или охраной. Кстати, в вашем доме есть охрана?

– Да, конечно. И охрана, и камеры наружного наблюдения. Но дело в том, что камеры охватывают только пространство самой лестничной площадки, то есть то, что происходит непосредственно у входа в квартиры. Зона лифта остается, таким образом, «без присмотра».

– А что сказала охрана?

– Что никто из посторонних в дом не входил и не выходил.

– А кто живет на четвертом этаже? Вообще, какие у вас отношения с соседями?

– С соседями? Нормальные, соседские отношения. Не скажу, что мы дружим, но... как сказать? Здравоваемся, об-

мениваемся новостями, если случается столкнуться во дворе или опять же в лифте. На четвертом этаже две квартиры. В одной живут Фральцовы – муж и жена, оба бизнесмены, довольно состоятельные люди, им принадлежит телеканал и несколько газет. Во второй – девушка по имени Марина, о роде ее занятий я вам ничего сказать не могу.

– Кто обнаружил тело Саши?

– Наталья Ивановна.

– Фральцова?

– Да. Для женщины это было большим шоком, у нее случился сердечный приступ.

– А ее муж? Первая помощь жертве хотя бы была оказана?

– Мужа не оказалось дома. Женщина еле успела добраться до телефона, вызвала «Скорую» – и потеряла сознание. Прибывшей на место бригаде пришлось заниматься в первую очередь самой Натальей Ивановной. А помощь Саше... какая уж там помощь. Первый удар был нанесен в самое сердце – очень точный, профессиональный, я бы сказал, удар. Даже крови было совсем немного. Она просто не успела вытечь, потому что сердце остановилось сразу.

Не спросив разрешения, Ильинский взял из моей пачки сигарету и закурил, глядя куда-то в сторону. Я заметила, что пальцы его слегка подрагивают.

– Осталось немного, как я понимаю. Вы сказали – погибли трое из пяти девушек, приходивших в ваш дом проводить время с Ириной. Что же случилось с третьей?

Аркадий Ильинский повернул голову и посмотрел на меня с удивлением, как на чудо. Я ответила таким же недоуменным взглядом – уж не думает ли он, что именно я должна знать ответ на этот вопрос?

– Но вы же знаете, – медленно сказал он, впиваясь в меня глазами. – Вы же знаете это лучше меня. Вы же все видели!

– Что?

– Зачем вы отрицаете, Женя? Ведь Надя погибла вчера, на ваших глазах!

И вот тут-то в голове моей снова белой вспышкой прошла картина вчерашнего происшествия. Юная пухленькая девочка просит у меня закурить, а затем выбрасывается из окна...

* * *

С минуту или две мы смотрели друг на друга, не говоря ни слова. И только затем начали потихоньку отмирать.

– Вы хотите сказать, – медленно начала я, – что та девочка, которая разбилась вчера, выпав из окна верхнего этажа «Замка»...

– Да! Это была Надя, Надя Алтухова. Она тоже приходила к моей дочери. Вчера девочки как раз ждали ее прихода, они с Аней созвонились по телефону. Но не дождалась. И не могли дождаться, потому что Надю вытолкнули из чердачного окна на самом верхнем, шестнадцатом этаже – его

еще называют «технический». И опять – никто не знает, зачем девочке было подниматься на чердак, что ей там могло понадобиться? Кто ждал ее? Зачем, с какой целью? И как и раньше, охрана не видела никого постороннего, кто бы выходил из дома либо входил в него. Никаких следов.

– Почему вы решили, что ее именно столкнули вниз? Разве не нельзя допустить, хотя бы в качестве рабочей версии, что девочка по какой-то причине решила покончить жизнь самоубийством?

– Самоубийцы обычно оставляют записки, а Надя этого не сделала. И потом, у нее не было ровно никаких причин, чтобы решиться на такое.

– Ну, этого вы знать не можете. Мало ли что творится в головах у этих пятнадцатилетних!

– Нет-нет. Надя была довольно безмятежной и, я бы сказал, не очень далекой девочкой. Про таких говорят: что на уме, то и на языке. Она просто по складу ума и характера не могла таить в себе ничего такого, что бы не было известно окружающим. И тайн у нее никаких не было, и какой-нибудь ерунды вроде того, что какой-нибудь мальчик не так посмотрел в ее сторону – тоже. Но самое главное – когда следователи и эксперты осматривали чердак, они обнаружили там следы борьбы. Надя явно сопротивлялась, цеплялась за выступ карниза – на острых краях следы крови, и руки у девочки изрезаны. И потом, на чердаках всегда грязно, и чердак в нашем доме тоже в этом смысле не исключение. По сле-

дам, оставленным на пыльном полу – там кругом полно строительной пыли, – следователи установили, что незадолго до Нади на чердак поднялся кто-то другой. Взрослый человек.

– Мужчина или женщина?

– Этого установить не удалось. «Он» был в резиновых сапогах. Поэтому даже служебная собака не смогла взять след.

– Откуда вам стали известны такие подробности?

– Не забывайте, Женя, что я адвокат. У людей моей профессии множество связей даже в самых неожиданных местах, а уж в милицейских кругах – тем более.

– Именно менты вам и сказали, что я была свидетельницей гибели Нади?

– Мне просто показали протокол осмотра места происшествия, и я увидел в нем вашу фамилию – среди других. И как только я увидел вашу фамилию, так сразу стал вспоминать, откуда она мне знакома.

– И?

– Как говорится, адвокат обязан хранить тайну клиента. Не будем уточнять этот вопрос. Просто примите на веру то, что у нас с вами есть общие знакомые.

Это очень походило на правду. За годы работы телохранителем среди моих клиентов не перебивали разве что библиотекари и воспитательницы младшей группы детского сада. Моя клиентура и клиентура Ильинского зачастую имели очень много общего, и нет ничего удивительного в том, что меня могли передать ему «по цепочке».

– Хорошо. Подведем итоги. Что же вы хотите от меня?
Этот вопрос удивил его еще больше.

– То есть как? Разве ваша профессия не телохранитель? Разумеется, я хочу защитить свою семью от озверевшего убийцы! Ведь он сужает кольцо, разве это не понятно? Он подбирается к моим дочерям!

– У вас нет никаких доказательств.

– Да к черту доказательства! Если есть хотя бы одна двухтысячная процента вероятности того, что моя семья в опасности, мне этого достаточно! Угроза есть, я чувствую это кожей!

Теперь лицо Аркадия Ильинского снова стало таким, каким я увидела его в первый раз, – маска с холодными глазами и тонким, злым ртом.

– Про доказательства я сказала не затем, чтобы их у вас потребовать, – пожала я плечами. – Разбираться во всем этом и ловить убийцу – дело не мое.

– Правильно. Ваше дело – обеспечить безопасность Ирины и Ани. Это в первую очередь. За те две недели, что вы у меня отработаете, на девочках не должно появиться даже царапины. Во вторую очередь я попросил бы защищать в случае необходимости и других женщин, которые живут или часто бывают в моем доме.

– Кто эти женщины?

– Домработница Фаина – приятная дама из разряда бывших учительниц, затем медсестра-сиделка, три последних

года выхаживающая Иру, ну и конечно, те две одноклассницы дочери, которые, я надеюсь, будут продолжать к нам ходить, несмотря на весь этот ужас.

– В вашей квартире совсем нет мужчин – кроме вас?

– Если не считать моего шофера, которого все домашние хорошо знают, – нет.

– Бабье царство... Еще несколько вопросов перед тем, как я дам ответ, возьмусь ли я за эту работу. Почему вы говорите только о двух неделях? Что, есть основания думать, будто к концу месяца опасность будет нейтрализована?

– Нет, конечно. Просто за эти две недели я рассчитываю закончить здесь все свои неотложные дела, взять отпуск и вывезти девочек куда-нибудь на другой конец света. Где нас никто не достанет. По крайней мере, я буду рядом и сам смогу защитить их.

– Понятно. Еще вопрос – почему вы решили нанять именно женщину-телохранителя?

– Потому что я не шовинист и, в отличие от большинства мужчин, всегда готов отдать должное вашим, женским, деловым качествам. Женщины не пьют и не курят, внимательнее следят за своим психологическим и физическим здоровьем, что очень важно, не отклоняют необходимую помощь и зачастую принимают более взвешенные решения... хотя и не всегда. Кроме того, мужчины руководствуются в работе преимущественно логическим чутьем, а женщины – еще и эмоциональным. Вы интуитивно чувствуете угрозу.

– Ясно. И последнее – каким образом вы намерены представить меня своей семье?

– Я... вот тут... если вы не возражаете, я бы сказал им, что вы...

Краска бросилась ему в лицо, он несколько раз моргнул глазами, сбился – мне в который раз пришлось удивляться тому, как легко слетает с этого человека маска железного рыцаря. Даже в груди что-то защемило, ей-богу!

– Я... я хотел... мне пришло в голову сказать им, что вы – моя невеста.

– Что-о-о?

– Я намерен заявить, что вы – женщина, на которой я хочу жениться, – повторил он на этот раз довольно твердо.

– Зачем?

– Затем, чтобы никого не насторожить и не испугать. Ведь раз охрана каждый раз утверждала, что после убийства из дому не выходил никто посторонний! Не мне объяснять вам, Женья, что это может означать.

– Что убийца живет где-то рядом. Может быть, даже в вашей квартире.

– Нет, – Ильинский так резко мотнул головой, что стало ясно: эта мысль уже приходила ему в голову. – Сами подумайте, кого я могу подозревать? Домработницу? Это смешно, эта женщина готова ронять слезы даже над курицей, которую отправляет на сковородку, не говоря уже о том, что Фаину ввергает в тоску и трепет все страшное и непонятное.

Медсестру? Она принадлежит к тому типу женщин, которых уже не встретишь в наше время, настоящая мать Тереза. Терпеливая, ловкая, хозяйственная, самоотверженная и молчаливая. Вы сами увидите и поймете, что Алла никак не может быть убийцей. Так что...

– Для представителя такой циничной профессии, как адвокат, у вас слишком романтическая натура, – заметила я, жестом подзывая официанта, который и без того уже смотрел на нас, как на бесполезных амёб, на которых вряд ли можно чем-то поживиться. – Казалось бы, уж кому-кому, а вам-то должно быть известно, что убийца далеко не всегда выглядит как головорез с кинжалом в зубах.

– Конечно, мне это известно. Но именно потому, что я адвокат, я немного разбираюсь в людях, Женя.

– Ладно, время покажет, – сказала я, вставая и закидывая на плечо сумку. – Я принимаю ваше предложение. Мои условия – аванс и полное соблюдение конспирации.

– Аванс я готов выплатить в любое удобное время. А когда вы будете готовы приступить к делу?

– Сразу.

– То есть? – Ильинский, который поднялся вслед за мной и держал в руках взятую со спинки стула мою ветровку, отступил на шаг. – Что значит «сразу»? То есть – «сейчас, сию минуту»?

– Да, а что вас удивляет?

– Но...

Он недоверчиво окинул взглядом мою фигуру, одетую в простой спортивный костюм. Сперва я подумала, что он хочет дать мне деликатный совет надеть на себя что-нибудь более представительное, прежде чем являться к нему домой, но, как оказалось, холеного адвоката взволновало другое:

– А как же вы... вот так?

– Что вот так?

– Ну, разве вам не надо... как это называется... ну, экипироваться?

– Что вы имеете в виду? Взять под мышку гранатомет, закинуть за спину «калашников» и сунуть в карман парочку наручников?

– Это, конечно, преувеличение... насчет гранатомета... но я думал, что у телохранителей есть какие-нибудь приспособления... Нельзя же работать вот так, совсем без оружия.

Я ухмыльнулась, что выглядело совсем не по-женски, и похлопала Ильинского по плечу, что могло бы считаться и вовсе фамильярностью.

– Не беспокойтесь, Аркадий... как вас?

– Можно без отчества.

– Ну зачем же такое панибратство, мы же деловые люди.

– Эмильевич.

– Не беспокойтесь, Аркадий Эмильевич, я не дилетант. Любой телохранитель обучен в случае необходимости использовать подручные предметы – в ход может пойти все, что угодно, вплоть до зонтика. Если это будет действитель-

но нужно, то я и шпилькой для волос смогу сделать очень многое.

Кажется, клиент не особенно поверил – я поняла это по его напряженному молчанию, с которым он сопровождал меня все время, пока мы спускались к автомобильной стоянке. И совершенно зря, между прочим. Ильинский явно начитался дешевых детективов или посмотрелся бездарных сериалов, где каждая вторая спецназовка то и дело выхватывает пушку из-за кружевной резинки чулка, в лифчике у нее запрятана пара гранат, в каблуке – заточка, а в губной помаде – яд. Раз-два – и дело сделано, кругом ромашкой лежит десяток поверженных амбалов, осталось только поправить свалившуюся с плеча бретельку бального платья!

Лично у меня подобная «трактовка образа» телохранителя вызывала только усмешку. Ну да, очень хорошо представляю себе, как в случае смертельной опасности я вот так возьму и начну извлекать из каблука складной нож. Да я еще и туфлю скинуть не успею, как тут-то меня и положат вместе с «объектом».

– Я все же считаю, Женя, что в качестве моей невесты вам бы следовало придать себе... ну немножко более женственный вид. Ведь ни у кого не должно возникнуть даже тени подозрения на ваш счет. А значит, нам просто необходимо сделать из вас даму высшего света. Вы позволите мне потратить на вас немного денег, как это называется, «сверх программы»?

– Никогда не стоит останавливать мужчину, если он идет на такие жертвы, – пожала я плечами.

* * *

Ильинский был прав: невесты известных адвокатов не являются к семье жениха в спортивном костюме и кроссовках, особенно если у них длинные стройные ноги и тонкая талия – и тем и другим я могла гордиться с полным основанием. Поэтому, когда мы с клиентом – «Фольксваген» впереди, «Чероки» метра на три сзади – выехали на центральную трассу, я, мигнув задними огнями в качестве предупреждения, остановилась возле довольно солидного бутика. Я помахала рукой Ильинскому, кивнула на вывеску магазина, показала на пальцах: «десять минут!» и потянула на себя стеклянную дверь. В отражении было видно, что Ильинский вышел из машины и решительно двинулся следом.

Самое интересное, что его тут знали. Как только адвокат перешагнул порог бутика, к нему стайкой порхнули две продавщицы – одна постарше, другая помоложе.

– Аркадий Эмильевич! Здравствуйте! Сколько лет, сколько зим! Вы сегодня один? А как же...

– Здравствуйте, девочки. Я сегодня только сопровождающий. Вот, познакомьтесь, – Ильинский крепко взял меня за руку и многозначительно сжал пальцы, – эту прекрасную девушку зовут Женя, и я хочу, чтобы вы сделали из нее прин-

цессу.

Продавщицы многозначительно покивали, совершенно бесстыже уставившись на меня во все глаза.

– Девочки-красавицы! Каждой на чай по сто баксов сверх покупок, если за десять минут вы мне сделаете вот из этой комсомолки-спортсменки, – он слегка подтолкнул меня в спину, – Королеву с большой буквы! Таковую, чтобы от нее просто ослепнуть можно было – ну, вы профессионалки, вам и карты в руки!

«Сестренки» и в самом деле поняли его с полуслова. Они синхронно кивнули, быстро переглянулись и принялись за дело. Одна из продавщиц быстро, но вежливо увлекла меня в большую примерочную с зеркалами до полу и, не дожидаясь разрешения, стала расстегивать на мне «молнию» ветровки. Вторая, двигаясь быстро и бесшумно, уже несла к нам несколько платьев и костюмов, удерживая их на некотором расстоянии друг от друга – чтобы, упаси бог, не помять. На какое-то время я перестала принадлежать себе: была просто куклой, которую раздевали, одевали, заставляли поворачиваться во все стороны.

– Современная одежда по большей части сковывает движения, не случайно есть даже такой термин – «застегнутый на все пуговицы», – щебетала молоденькая продавщица, склоняя меня сделать вывод в пользу той или иной модели. – Пик этого сезона – египетские, греческие и римские мотивы. Женщине предлагается не столько одеваться, сколько «обла-

чать свое тело в одежды». Вот, посмотрите...

И передо мной выкладывались сексуальные небрежные свитера с глубокими вырезами и свободными линиями рукавов, узкие полупрозрачные платья с ремнями на бедрах, черные кардиганы с крупным ярким рисунком, шаровары и шарфы.

– Коллекцию отличает богатая палитра цветов – оранжевый, медный, пурпурный, – а также своеобразная текстура: крупная ручная вязка, кисти на шарфах и юбках, – стрекотала продавщица со скоростью швейной машинки. – Такая одежда смотрится дорого и стоит соответственно. Это те самые вещи, которые способны придать вам вид весьма состоятельной женщины...

Я на минуту представила себе, в какое оцепенение придет тетя Мила, если я вдруг предстану перед нею в этих потрясающих обновках. Кстати, мелькнула в голове предательская мысль, а ведь можно будет соврать, что все это – подарки того самого ухажера, о котором тетушка так давно грезит для меня. Который красивый и богатый одновременно. Тетя Мила получила бы повод пребывать в хорошем настроении, по крайней мере, на целую неделю!

Мне поднимали и опускали руки, просили попридержаться подол, распускали волосы, усаживали на низенький пуф и примеряли туфли, босоножки, какие-то немислимого фасона кружевные сапоги и нечто такое, что и вовсе не имеет названия. Трудно было поверить, что на все это девушкам из

магазина действительно понадобилось только десять минут!

– Получайте свою королеву, – сказала старшая продавщица с явным удовольствием в голосе. Тяжелые занавеси примерочной раздвинулись, и я предстала перед клиентом, что называется, во всей красе.

– С волосами нам прямо повезло, – довольно обратилась к адвокату старшая продавщица. – Такие волосы – прямо водопад... Им никакая прическа не нужна.

– И насчет косметики тоже, – заметила вторая, та, что была помоложе. – Мы только губы чуть-чуть блеском тронули, красавице вашей... А так больше ничего.

– А вот с руками беда, – вздохнула первая.

Неожиданно для самой себя я вспыхнула и проворно спрятала за спину обе руки. Было понятно, что имела в виду работница магазина: физические нагрузки и требования профессии оставили на моих руках несмываемый автограф: кожа на ладонях была сухой и местами потрескавшейся. А ногти – обрезаны, что называется, под корень, безо всякого следа маникюра. Не такие уж страшные руки, нормальные руки девушки, которая сама зарабатывает себе на жизнь – в том числе и тем, что умеет быстро и прицельно стрелять с обеих этих рук, падая пузом в грязь. На улице или, скажем, в метро никто бы не заметил, что у меня такие короткие ногти и красноватые пальцы. Но вечерний наряд налагал свои требования – и мне вдруг показалось, что даже манекены в глубине магазина смотрят на мои руки с осуждением.

– Спасибо, девочки, я доволен на все сто, – весело сказал Аркадий и полез в карман за бумажником. – В десять минут вы уложились, как договаривались, за это каждой премия, – он вынул две стодолларовые бумажки, помахал ими в воздухе и по очереди прилепнул их на плечо каждой из продавщиц, как будто награждал их погонями. – А нам пора.

Мы покинули бутик, нагруженные покупками, которые по просьбе Ильинского были уложены в купленный тут же большой кожаный чемодан. В него же отправились мои кроссовки и спортивный костюм.

В «Дворянское гнездо» я входила на высоченных «шпилях» на ногах, обтянутых шелковыми чулками а-ля паризьен, с побрякивающими на груди и в ушах украшениями от Сваровски и в непривычно коротком платье из темно-малинового органди, которое уверенно облегло грудь и как будто стекало мелкой рябью по бедрам. «Черт возьми, ну просто женщина-вамп!» – подумала я, в очередной раз поймав в зеркале свое отражение.

* * *

– Привет, пап! А кто это? У нас гости? – громко спросила младшая дочь адвоката Аня, как только Ильинский, пропустив меня вперед, зашел в квартиру и громко щелкнул дверным замком.

Я поняла, что встретившая нас девушка – именно Аня,

потому, что, во-первых, на вид ей было как раз тринадцать лет, а во-вторых, девчонка была очень похожа на отца: те же резковатые черты лица, те же узкие губы и светлые до прозрачности глаза, правда, полускрытые за огромными очками в тяжелой старомодной оправе.

Одетая в просторную майку с вышитой бабочкой на плече и короткие голубые бриджи, она стояла в глубине просторной прихожей с книгой в руках и смотрела на меня исподлобья.

– Здравствуй, дорогуша. Познакомься, это – Женя. То есть не Женя, а Евгения Максимовна.

– Кто она? И зачем она? – Аня еще больше насупилась.

– Ты пройди пока к себе, Анюта.

– Почему это?

– Потому что я тебя об этом попросил.

Это было сказано таким тоном, что послушаться было невозможно. Девочка ошпарила меня презрительным взглядом, резко развернулась и устремилась в анфиладу комнат. Ее тяжелые для подростка шаги слышались довольно долго, пока не оборвались звуком громко захлопнувшейся двери.

– Проходите, Женя, – Аркадий вежливо пропускал меня вперед.

– Мне кажется, нам надо хотя бы для вида перейти на «ты», – заметила я вполголоса. – Ведь я же ваша будущая супруга.

– Да, конечно. Вы... то есть ты права.

Ильинский провел меня по выложенному паркетом коридору (бог мой! Сколько здесь было комнат? Шесть? Десять? Пятнадцать?) и распахнул двери гостиной.

На секунду я зажмурилась от хлынувшего мне навстречу потока солнечного света: на дворе уже стоял яркий, солнечный день, домашняя прислуга еще несколько часов назад подняла портьеры во всем огромном доме. Весенние лучи, пробивая себе дорогу сквозь огромные окна из специального стекла (мне уже приходилось встречать такие – кажется, какой-то особый хрусталь), гоняли солнечных зайчиков по поверхности палисандровых столиков, инкрустированным полочкам, тяжелым напольным вазам, картинам и витражам.

Иными словами – обстановка в доме у известного адвоката Ильинского была поистине шикарной. (Мне невольно вспомнился анекдот про нового русского: «Бедненько, но чистенько», – сказал тот, выходя из Эрмитажа.)

– Прости, Женя, оставляю тебя буквально на минуточку – нужно срочно сделать пару деловых звонков. А впрочем, я пришлю кого-нибудь, чтобы тебя познакомили с домом.

Аркадий вышел, а я опустилась на роскошный, лакированной кожи, диван и еще раз огляделась по сторонам. Это была минута, за которую я решала, как следует держать себя дальше. Судя по тому, как неприветливо меня встретили, женщины со стороны в этом бабьем царстве никто не ждал и не любил. Но приноравливаться ко вкусам и желаниям каждого из членов семейства в мои обязанности не входило: кли-

ент платил вовсе не за то, чтобы я к месту и не к месту включала свое обаяние. Вывод: надо держать удар и разыгрывать из себя эдакую дамочку с порочной улыбкой на бесстыжих губах и холодными акульими глазами.

Верная этому образу, я положила ногу на ногу, вздернув и без того короткий подол платья до последней границы приличия, и оскалилась навстречу своему отражению, репетируя ту самую «порочную улыбку».

И, как оказалось, вовремя – в комнату вошла, нет – влетела, хотя и мелко семеня ножками, маленькая полная женщина с высокой седой прической. С порога она бросилась ко мне так, будто внезапно встретила пропавшую несколько лет назад родную дочь или, на худой конец, наследницу всего своего состояния:

– Евгения Максимовна! Боже мой, как я рада! Какой сюрприз, господи, какой сюрприз! Почему же Аркадий Эмильевич заранее ничего мне не сказал?! Да если бы он хотя бы намекнул, я бы непременно приготовила к обеду что-нибудь особенное! Необыкновенное что-нибудь! Ах, в какое же положение вы меня поставили!

На ней было синее форменное платье строгого фасона. Униформа домоправительницы (почему-то с первого взгляда становилось ясно, что эта женщина – именно домоправительница, а не, скажем, домработница или приходящая прислуга) не слишком вязалась в эту минуту с восторженным выражением ее подвижного лица. Казалось, еще секунда –

и в порыве непонятого восторга женщина бросится мне на шею.

– Здравствуйте, – сказала я. Увы, в тот момент мне не пришло в голову ничего поумнее.

– Здравствуйте-здоровствуйте-здоровствуйте! Я рада, я рада. Вы знаете, Женечка (вы ведь позволите мне называть вас просто Женей?), все то время, что я работаю у Аркадия Эмильевича, а тому уж добрых пятнадцать лет, я мечтала, чтобы он привел в дом женщину, которая осталась бы здесь навсегда и стала бы не только хорошей женой хозяину этого дома, но и нежной матерью его малюткам.

На словах «нежная мать» и «малютки» она все-таки загнулась. Видимо, мой внешний вид не вполне соответствовал нарисованному в ее воображении образу Мадонны с двумя младенцами на руках. Но она быстро спохватилась, набрала в грудь воздуха и, кажется, намеревалась продолжить свои восторги.

– Я бы хотела посмотреть квартиру, познакомиться с девочками и теми, кто тут еще живет или часто бывает, – прервала я ее.

– Конечно-конечно! – спохватилась Фаина. – Ведь хозяин именно это мне и поручил. Пойдемте-пойдемте! Я заведу вас в каждый уголочек – ведь вы же наша будущая хозяйка!

Она доверчиво, как маленькая девочка, взяла меня за руку, и мы переступили порог гостиной.

Когда Фаина показывала мне квартиру, вид у нее был такой, будто мы совершаем путешествие по сказочной пещере Али-Бабы. Может быть, она и в самом деле относилась к жилищу своих хозяев со священным трепетом; по крайней мере, выражение боязливого восхищения не сходило с ее подвижного лица.

– Всего в доме шесть комнат, – говорила она вполголоса, пока мы шли по застланному туркменскими коврами коридору, по обе стороны уставленному напольными вазами и еще какими-то дорогими безделушками. – К спальням примыкают ванны, к каждой – своя, и еще есть гостевой туалет, он в самом конце коридора. Гостиную вы уже видели, она же у нас столовая, а следующая дверь ведет в библиотеку... У хозяина огромное собрание книг, больше десяти тысяч томов, их начали собирать еще его родители, очень хорошие люди были... Видите? – Фаина распахнула дверь, и я действительно увидела просторную комнату, стены которой были сплошь заставлены книжными стеллажами. – Сейчас такое только в кино каком-нибудь старинном можно увидеть – библиотека в доме! Тут и кресла есть, чтобы читать, и освещение хорошее. И камин.

Книги и камин – это хорошо, но меня прежде всего интересовали окна и двери. Делая вид, что щупаю ткань на

портьерах, я быстро оглядела оконную раму и подоконник: так, тройные «бронированные» стеклопакеты, герметичные, прочные, открываются только с внутренней стороны, наверху – датчик сигнализации. Двери были тоже, я заметила, качественной столярной работы: тяжелые, дубовые, в каждую врезан крепкий замок, который, впрочем, вряд ли использовался – кто же будет запирается от своих?

– Женечка, идем дальше?

Я кивнула.

– Это вот комната старшей дочери хозяина, Ирочки, – шепотом произнесла Фаина, взявшись за дверную ручку третьей комнаты, но не поворачивая ее. – Она у нас очень больная девочка, я думаю, Аркадий Эмильевич рассказал вам...

– Да, он рассказал.

– Да? Ну что ж, тогда вас вряд ли удивит... – чуть помявшись, она все-таки пропустила меня вперед.

Если бы я не знала точно, что нахожусь в квартире пусть необычного, но жилого дома, то приняла бы это место за больничную палату. И дело не только в специфичном запахе, который шибал в нос сразу же, как только вы перешагивали порог. С толку сбивала общая атмосфера.

Здесь стояла белая мебель, высились стойки капельниц, на прикроватном столике выстроился целый батальон бутылочек, мензурочек, флаконов, таблеток и порошков. А на самой кровати...

– Это Ирочка, – прошептала Фаина у меня за спиной. И

всхлипнула.

Я никогда не видела до такой степени исхудавшего ребенка. На обтянутом серой кожей лице выделялись одни только глаза. Сейчас они смотрели на меня безучастно, как будто я была давно знакомым и уже поднадоевшим предметом мебелировки. Тонкие сизые губы тоже не шевельнулись мне навстречу. Прикрытое простыней тельце, которое я могла бы, кажется, обхватить одной ладонью, не сдвинулось. И тонкие-тонкие ручки со скрюченными пальчиками – не разжались.

– Она вас не видит, – шепнула Фаина почему-то мне в самое ухо. – Смотрит, но не видит. Ирочка вообще не замечает, что вокруг нее происходит. И никого не узнает. Уже много лет...

– Мне говорили. Но, – указала я на наушники, обхватившие эту крохотную головку, – она ведь слушает музыку? Значит...

– Это ничего не значит. Девочке просто надели плеер, чтобы звуковыми колебаниями попытаться хоть как-то воздействовать на слуховой нерв и барабанные перепонки. Но мозг ее не воспринимает музыку, точно так же, как не воспринимает он и все остальное.

Это сказала не Фаина – из-за стоящей в другом углу комнаты ширмы, обтянутой белой материей, вышла и шагнула мне навстречу высокая стройная женщина в белом халате медсестры.

На вид ей было лет около тридцати. У нее были темные волосы, уложенные в чрезвычайно аккуратную, волосок к волоску, прическу, и правильный овал лица. И еще очень красивые глаза с подкупающе-прямым взглядом. На миг мне даже показалось, что я где-то видела такие – то ли на картине, то ли у какой-то известной актрисы, не помню.

– Здравствуйте. Приятно познакомиться, – она протянула мне руку.

Эта рука была шершавая от частого соприкосновения со спиртом и лекарствами, а ногти – короткие, обрезанные под корень, как у настоящей, добросовестной сестры милосердия.

– Я – Алла, медсестра и, можно сказать, круглосуточная сиделка при Ирине. А про вас я тоже знаю: вчера Аркадий сказал, что познакомит нас с женщиной, которая станет хозяйкой этого дома.

– Круглосуточная сиделка? Значит, вы тут живете? – уточнила я.

– Да. И даже в этой комнате. Ночую вот там, на диванчике, – она указала себе за спину, – пользуюсь смежной туалетной комнатой, а обедаю-ужинаю со всеми вместе. Надеюсь, вы не будете возражать против того, чтобы за вашим семейным обеденным столом присутствовала сиделка? – удивительные глаза смотрели мне прямо в лицо.

Все время помня о своей роли стервы-жены, я неопределенно хмыкнула и весьма невежливо окинула Аллу с ног до

головы оценивающим взглядом. Держать на лице выражение холодного равнодушия было не так-то просто: на эту приятную женщину, которая так просто и в то же время подчеркнуто вежливо держала себя, нельзя было смотреть, не испытывая невольно возникающего чувства симпатии.

– Посмотрим, – обронила я, отвернувшись и быстро оглядела комнату. Пожалуй, учитывая круглосуточное дежурство Аллы, это было самое безопасное место в доме.

– Женечка, вы расстроились? – робко спросила Фаина, когда мы вышли из комнаты больной и осторожно прикрыли за собой дверь. – Я вас понимаю: Алла – молодая привлекательная женщина в доме... Но, знаете, это вы совершенно напрасно, она никогда не позволяла себе ничего такого... У них с хозяином чисто деловые отношения...

– Я надеюсь, мой Аркадий не настолько плебейских вкусов, чтобы заводить шашни с какой-то медсестрой, – отрезала я.

* * *

Фаина смущенно кивнула и остановилась у двери в следующую комнату. И снова не слишком торопилась нажимать на ручку. Стояла, переступая с ноги на ногу, и мялась.

– Здесь у нас обитает Аня. Она очень хорошая девочка, добрая и привязчивая. Но вам придется немножко набраться терпения, потому что ей всего тринадцать лет, а это сами

знаете, какой сложный возраст. Анечка может вспылить, может нагрубить, даже закричать и заплакать, но сердце у нее очень доброе, поверьте...

– Фаина! Передай этой твари, чтобы она не смела заходить ко мне! – послышался из-за двери истошный крик девочки с добрым сердцем. С той стороны в запертую дверь швырнули чем-то тяжелым. – Вот только пусть попробует хотя бы порог перешагнуть – и я ее прирежу!!!

Домоправительница поперхнулась словами. Усмехнувшись, я решительно толкнула дверь и...

Навстречу мне полетела граната!

Сориентировалась я моментально. После нескольких лет службы на Кавказе мне хватило доли секунды, чтобы оценить и по возможности отдалить опасность: одним сильным тычком на несколько метров отшвырнула и почти впечатала в дальнюю стену коридора перепуганную Фаину, метнулась следом и накрыла визжащую домоправительницу своим телом.

«Три... два... один...» – считала я про себя. Как я помнила еще со времен учебы в спецшколе, взрыватель гранаты-«лимонки» срабатывает через 3—4 секунды после того, как выдернута чека и опущен ее рычаг, то есть когда граната брошена. Однако прошло пять секунд... шесть... десять... Ничего не происходило.

Я подняла голову. Фаина подо мной тоже было трепыхнулась, но я пнула ее коленом, и она снова послушно распла-

сталась по ковру.

В квартире стояла абсолютная тишина.

Хотя нет! Из противоположного конца коридора слышалось негромкое мерное перестукивание. Я привстала, взгляделась, почти до отказа вывернув шею: метрах в пяти от меня перекатывалась с одного ребристого бока на другой так и не разорвавшаяся «лимонка». Помедлив, я встала. Осторожно, кошачьей походкой приблизилась к гранате, еще раз взгляделась...

И взяла ее в руки.

– Же-е-еня... – слабо простонала Фаина, которая все еще продолжала лежать на ковровом покрытии, напоминая выброшенную на берег камбалу. – Что это было, Же-е-е-ня-я?!

Не отвечая ей, я уже безбоязненно вертела в руках «лимонку». Граната была не учебная, а боевая – я поняла это по ее пластмассовому корпусу и отсутствию запала. Но сделано пособие было на «отлично»: понять, что эта штука неопасна, мог только профессионал вроде меня.

Из-за двери донеслось сдавленное хихиканье. Я рывком распахнула дверь и шагнула внутрь – и на этот раз меня не остановил бы и шквальный огонь из раскаленного докрасна гранатомета!

* * *

Скрестив по-турецки ноги и положив на колени одну из

диванных подушек, Аня сидела на диване-тахте и уже не хихикала, а смеялась в голос, глядя на меня наглыми глазами бесстыжей девчонки, которую никто никогда не наказывал.

– Что это за шуточки ты себе позволяешь?! – спросила я как могла спокойно.

Аня на минуту замолчала, склонив голову к плечу, поправила очки, набрала в грудь воздуха и снова залилась смехом. Но теперь, и это было ясно слышно, хохот звучал неестественно, я бы даже сказала – натужно.

И он оборвался, стоило мне только схватить девчонку за руку, стащить с дивана и поставить перед собой на ноги. Силы я немного не рассчитала – майка с бабочкой на плече треснула у рукава и поползла по шву.

– Что это?! – спросила я, сунув ей под нос гранату.

Она упорно отводила глаза и молчала.

– Отвечай немедленно, или я в два счета вызову милицию! Хочешь больших неприятностей? Между прочим, такие вот шуточки с оружием, пусть даже и не боевым, дяденьки в погонах считают хулиганством! И дают за них даже не по шее, а от двух до пяти лет колонии для малолетних – это тебе на будущее.

– Я не знала, что вы испугаетесь, – нехотя ответила Аня.

– Ну да, ты думала, что я возьму гранату в руки, скажу «спасибо», вдену в чеку золотую цепочку и повешу себе на шею в качестве украшения.

Аня хмыкнула.

– Где ты взяла гранату?

– Пошутила я просто, – буркнула она, глядя в пол.

– Где ты ее взяла?!

Она молчала. Недолго думая, я подошла к столу, где рядом с компьютером, на котором была запущена какая-то игра-«стрелялка», лежал Анин мобильник.

– Набираю милицию. В машину тебя, скорее всего, в наручниках поведут, учти, – припугнула я девочку. – На виду у всего двора.

Сзади ойкнули. Я оглянулась: Фаина стояла в дверях, глядя на нас испуганными глазами и обеими руками зажимая себе рот.

По круглым щекам Ани уже текли крупные слезы.

– Где? – не глядя на нее, я сделала вид, что действительно набираю на мобильнике милицейский номер.

– В школе, – сказала она быстро. – На уроке физкультуры, в школе. Мы нормы сдавали, а потом после уроков мальчишки через окно залезли... И пять штук вынесли.

– Зачем?

– Прохожих пугать. Или еще зачем – я не знаю. Правда, не знаю! – воскликнула она, вскидывая на меня правдивые глаза. – Попросила одну – мне дали. Только слово взяли никому не говорить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.